(94) 357×222 [1906?]

Виндельбанд, Зиммель и в особенности Риккерт, как и все последовательные сторонники трансцендентального идеализма, (принуждены искать) источник полного знания исключительно в деятельности нашего разума. Впрочем это они в большей или меньшей отчетливости (в зависимости от добросовестности, логичности и т.д. отдельных философов) принуждены бывают предпослать знанию, как рациональную обработку иррациональной действительности. Разумеется добавить из действительности только то, что они в нее вкладывают: все прочее — исключается, иррационально. Что ведь рациональной обработке подлежит и только данная действительность, а в такой же мере и воображаемая. Так что раз существует знание сводится только к деятельности разума, то фактически нет никакого основания отрицать предположение опять искать предмет методологической обработки данного в опыте, или и данного в методологии — рациональное. Содержание-же, как опыт данного (в опыте), так и данного в воображении — иррационально. Кант что отлично понимал, т.к. опыт своей задачей ставит упрощение науки и интересы метафизики, что опыт не только не отказывается опять Dinge an sich, но, предполагая бытие последовательно, сохраняет знание a posteriori — которое современная критика, в своем стремлении познания, есть и признает, что только условно. Дальнейшее непосредственно в опыте у нас получается преимущественно знания предмет воображаемого данного методологии нельзя в виду того, что тут есть и не может быть проверки, а есть необходимость, обусловливаемая существованием Dinge an sich. Поэтому во второй издании Критики чистого разума предпосылает все возможные проблемы из сферы заключения, которое бы дало повод к обоснованию метафизики противоречия, и ясно доказывает существование Dinge an sich. Потом

Они тѣ философы, которые преследовали часто чисто отрицательныя задачи какъ напр. Шопенгауэръ, ожидавшій предпочтеніе первому изданію критики г. п. предъ второмъ и давши первая издѣ принимаемое съ такого рода исключеніями, что почти бѣдно на tich почти вовсе лишаетъ играть какую бы то ни было роль. Шопенгауэръ утверждаетъ что часто его вспоминаютъ его современники (Гегель, Шеллингъ, Фихте) не понимая Канта. В настоящее время мы передъ умами мыслящими сознаніе, что Шопенгауэръ не понимаетъ Канта. И, если принимать во вниманіе приговоренную на 2ой странице его „М. К. В. и Кант." критику Кановелей ~~фразеологию~~, имѣющій своимъ эпиграфомъ Шекспировскія слова Вольтера: Кривавый великій умъ — дитя безчисленныхъ великихъ ошибокъ, то мы должны придти къ мнѣнію что и ~~сторонники~~ почему заключеніе, что если Ш. и понимаетъ Канта, что во всякомъ случаѣ онъ не разрѣшилъ его основныя воззрѣнія. Ибо нельзя же въ самомъ дѣлѣ думать, что все дѣло Канта свелось къ установленію идеальности пр. и вр. и психологической субъективности закона причинности. Въ этомъ Кантъ, дѣйствительно нашелъ, и несомнѣнно въ этомъ его великая заслуга предъ потомствомъ. Но, кажется что утверждаемое положительно идея в ходѣ предметности метафизики — и въ этомъ его неоспоримая заслуга. В настоящее же время эмпирическая философія, вообще говоря не сложная на метафизика и рассуждающая, несомнѣнно антинаучною вовсе Шопенгауэръ, отказывается признавать что либо дальнѣйшее идеальности и всю дѣйствительность истолковывающая, или сознаніе нашего самосознанія, отнимаетъ послѣдніе основанія у дѣятельности науки и отказывается свободный путь метафизикѣ, т.е. отрицаетъ умъ, прямо противуположное Кановелю. Правда, когда въ глосселоги неудачно дворянинъ нашъ, что глоссологи нашей настоящаго добѣтной сомнѣнія есть и никогда не имѣетъ достаточно вопросъ въ дѣлѣ заставляетъ глубокомысленно поговорить нашъ, но дѣло тѣмъ и доказывается не только недостаточную сильность

могли бы сообразить современных философов, но также и отсутствие уверенности в своей правоте. Ибо, если до философии, предшествующей предпосылки современной науки, не ограничивая до сих пор на каких основаниях мнения она утверждает, чего из исследований только объяснения закономерности нашего предпосылок. Впереди угадывает результаты исследований плоды опыта. Можем случиться, что философия обнаружит незаконность и несостоятельность всей научной предпосылки и предъявит к науке новые требования. Сейчас на потребительских условиях науки и теории были наложены ограничения, далее, как бы эти условия больше не усилены для большинства, вместе на самостоятельности. Ибо, если внешнему, науки нашего времени гораздо больше не нужно, чем мышление. И вполне вероятно, что что наше незнание мыслей своего неотъемлемой ошибочности нашей научной предпосылки. А раз так, то стало быть философия не вновь получит отличительные свои права и должна будет вновь в спорах прежде всего потребовать полностью научных, подобно тому, как в предыдущем веке подобные споры новых философий сформировались из прежней схоластики, хотя бы и очень сильно довлеющую: Фрейдовская система сослужила свою службу — и будь сильно бросила жертвенную, но что не помешало последнему занести на нее руку. Если бы нынешняя философия по отношению Фрейдта прислушается к нашему заключению, что последние знания могут быть только нашим суждением, а отсюда не действительностью, которую можно было показывать, но не показывать, что ей ничего не объяснит, кроме выстраивает без почвы метафизики, ибо, повинуясь определяющей метафизики свое содержание пустыми из 2-х суждений, что и по-прежнему науки, а, если из содержания удалить, что ~~свое~~ есть в данном она тоже ничего не объяснит, все

называемая наука. Конец этому чувствительному, сам Рикардус в конце своего огромного исследования (737) мы говорит:
„So wird auch der Sinn alles Erkennens von der Ueberzeugung abhängig, die nicht nur über alles Logische, sondern auch über alles blos ethisches hinausgeht: die Welt ist so eingerichtet dass in ihr das Ziel des Erkennens erreicht werden kann". Освободить эти слова имеет затемняющие их смысл отступления относительно выродившейся философской фразеологии и у всех получить сознание: благодаря существованию явной harmonia praestabilita конца знаний, выясняющей независимостью имеет непонимаемого, идеалистического мира все таки этимологии образованной мысли как подлежащей точности, как ее есть. Но кто нет иной знает „как своей новой дает ужасно-пуста"? О ложности, что знание всегда есть отображение действительности, но лишь осуществляется при методическом последовательном harmonia praestabilita им, есть ужасно, враждебная идея. Как метафизическая теория знания, разумеется имеет права на существование, имеет и все другие метафизические теории и в свое время Лейбницы находит заслуженное место по своему, он со больше чем нужно неудобство. Но над давлеет нашим истинной целью — принципиально отрицающим не сознание на предмет научного исследования — также предположение, что есть и в виде веры — неразумной. Ибо для веры есть основа науки, далее Лютцы целой — мир, в виду многообразности существующих вер, он особенно заставляет писать и говорить наизусть. Вокруг веры — слова и слова . . . .

Задача науки — преодоление экспрессивного и интуитивного многообразия явлений, гласит Р. Это одна из задач. Нельзя воспринимать всю мир во всех подробностях и его представлять из обобщенных, его упрощающих. Но, разве в этом сущность знания? Нельзя забывать этого того, что мы воспринимаем — мы потому и знаем свои впечатления. Грамота наука невозможна без грамоты. Все же наука не есть грамота и далее ничего общего с грамотой и чтением. Проблема знания не в разнообразии обобщений, мы и в разнообразии чтений и чтения.

II, 168

У Риккерта (как и у Чешанова), хотя и у Виндельбанда (настойчиво изложены Ритц) стремятся отделить вопрос о происхождении априорных понятий от вопроса о их значении или функции, полагая что наше отдаление не средится правильной интуиции. Но это ошибка: все значения априорных суждений именно в их происхождении и, вопреки их критикам, у Канта вопросы психологические отнюдь не сводились, как в настоящее время, скорее у него чисто-логическая подкладка определяется самого психологизма. Априорные суждения после опыта существуют существовали и всегда, их basis basis будущих существований и именно потому, что происходят не из опыта, а из иного, высокопытного, доопытного источника. Quaestio juris, т.е. вопрос об их праве именно отрицается без вопроса об их происхождении. Если бы Канта усумнились в ~~посл~~ благородстве их происхождения, они бы ~~прин~~ принуждены были доискиваться тот же и в их правах. В действительности строгость, ~~как~~ мотивированная высшей полезностью своих источников не допускает, не сомневается, не условно — а волею Божьею. И только до тех пор она может быть прочной, пока всем согласно признает, что она получила мощную Богом. Разъ лишь два назрываются, рвется видимо, ~~что~~ ~~такой~~ Эта связей, как и великий дерзкий, полная в ограниченности, изнасилованной одновременно оставшуюся в ее законности. Ее не быть конца-то, значит — он мощен и всякое не лишен.

Для того, чтобы доказать права разъ Канта объединить их из математической. Для того, чтобы доказать права историческая науки Риккерт прибегает (и удачно) к приемам ~~исследования~~ исследования науки. В результате — полное скептицизма. Интуиция нужны права не добиваются, ср. науки — отрицает их.

Urteile und Begriffe Gegenst. — см. Зарь I, 160

Кантъ задался двойной цѣлью: усвоить органическое и первобытное слѣдовательно, скептическое отношеніе к будущей исторіи. Вторая половина 100 лѣт со дня его смерти и новыя открытія обнаружили сидящей ~~первый~~ лежащій коренное умственное фало. ~~Не на~~ ~~Скептицизмъ не усвоен~~. Исторія в прошлом, по слѣдам изучаемых ~~мыслей~~ всякаго не усвоенного. Не значит ли это, что даже земная ось Канта задана не слишком точно? Можетъ быть человѣку приходится выбирать одно из двух: либо отдаться в власть слѣпой силы, либо — иметь доверие у исторіи.

Противопоставляя свою точку зрѣнія на логику древнѣй, Рикертъ (Werke 97, 98) главным образомъ подчеркивает возможность для современнаго ученого видѣть предмет познанія не в вещах, а в суждениях. Этимъ способомъ онъ поддерживает все свое учение, кто о сверхчувственномъ, кто о историческомъ познаніи. Онъ считает, что Кантъ потерял когда-то такую понятливость, что Кантъ уже обратил понятіе о вещи, как о постепенно расширяющейся и открывающейся в знаніи вещи в понятие суждения и потому, вмѣстѣ со Виндельбандом, связывает свою идею с переворотом, произведенным Кантом. Несомнѣнно, что и на этотъ разъ, как и всегда в этом случаѣ, когда они соглашается в оправданіи своих суждений на Канта, в его словах сейчас заключается доля правды. Когда-то положил фундаментальное Кантъ. Но, сам же Кантъ перепечатал первое изданіе критики чистаго разума именно в таком направленіи, какъ необходимо было именно для того, чтобы не дать возможности для сомнений дальнѣйших выводов. Онъ фундаментально предоставил разуму активную роль в создании фразы — допущенія синтетическаго суждения apriori. Но имѣл же оставить и суждения a posteriori. По мнѣнію же Рикерта последнія явно и прямо не нефрет.

„Wahrheit ist Normalität des Denkens" (Die Norm des Geistes" (148)) (Рациональ 146)

„Всякое научное т.е. нормальное и общеобязательное мышление (Н. 147)

Die ethische Funktion ist, wie logische und die ästhetische sozialer Natur. In dem isolierten Individuum ist weder ethisches, noch logische, oder ästhetische Beurteilung denkbar. Denn das isolierte Individuum ist überhaupt nicht denkbar: es ist eine Fiktion

Если бы логическая обработка действительности была бы совершенно автономна, как утверждают Виндельб. и Риккерт, т.е. никоим образом не определялась содержанием опыта — тогда нельзя найти никакой причины из для ограничения понятия двойной логической процесса т.е. нет основания будущности от метафизических абстракций. Дух (элементы духа) и мышлений (ст. мышл.) в конце концов не только логичны, но и должны — что мы уже логическим путем, полным от образования определенного мышления, менее общей понятия, лишь объединяется в одном общем понятии, если бы, по примеру Риккерта, абсолютно. Вдобавок наука и далее не только объединяющая, основанная на сравнениях, но и всякая не результат от недостаток абстракций. Правда, существует такого рода абстракции (ниже бы мышл. отвлечений) но они исторически исходят из области положительной науки, как метафизические. На теории познания, на науке в специальном смысле этого слова, на научной философии и должна и не может и не допускает наличие абстракций. Что же задерживает прямо в нашем развитии логического идеала? Очевидно, действительность, ~~что~~ что, что называется „данным" — а раз так то от автономии мышления, не может быть, конечно доказано.

Baeno: 504 стр. Grenzen

Философия религии для непредубежденного взгляда — всегда есть либо petitio principii — либо contradictio in adjecto. Ибо одно из двух: либо мы допускаем, что религиозная познавательная функция контролю дискурсивного разума — тогда значит мы допускаем именно то, что нам нужно было доказать. Либо, если мы говорим, что религиозное сознание может быть совершенно независимым, своим особенным, не научным познанием (хотя бы лишь своим истолкованием самого бытия) — но в таком случае оно не подлежит контролю разума и обратно, скорее оно само может контролировать высшую, на свой взгляд, организующую опытный разум.

Винд. и Рикерт (Зиммель тоже стр. 46 особ.) допускают возможность двоякого существования человеческого знания — и вместе с этим резко отграничивают себя от релятивизма и скептицизма, которой они усматривают в учении всех своих предшественников, даже неокантианцев. В этом последнем — они совершенно правы: Великий натуралистъ, не боящийся последовательно мыслить приходит к релятивизму и скептицизму. Но тоже говорят сказать и о Вин. и Риккерте. Они не говорят „πάντων χρημάτων μέτρον ἄνθρωπος — человѣкъ есть мѣра вещей". Но они говорят „исходной познавательной субъектъ есть мѣра всѣхъ вещей", при чем они мотивируют на данную аргументацию. Я рад этому что это так, жаль бы они были правы и, если бы мы допустили множественность субъектов и не было никакого метафизического, то результатом всего получается релятивизм. Ибо ум не может быть одной истины, раз есть несколько умов. Разница между „Weltthesis" и релятивизмом даже в том, что последнее требует уединения, переносится на сознание вообще, в нет границ, даже/ Кроме того оно отрицает сознание недоказуемости. В прогрессивной, более умной форме эта разница отрицается, скажу итак. Сущность полудоказательства Винда состоит в истине — внутреннему чувству, интуиции и доверию. Конечно конечного человека (в данном) сознания, но сознание человека полная данность. Так же, если бы Сократ сказал мне, что много не знаю, что есть любить бог. или другого бог. любить дерево, что оно любит — у меня не было бы спора.

Выяснить взаимные отношения естествознания и философского в целом виде, в каком мы можем ожидать государственного от грядущего и прошлого. Но исследование мы никогда не забываем, что каждая сформированная формула имеет свой исходный момент и, что в ней весь существует для нас задача. Если от грубых внешних понятий перешли бы к такой формуле, которая исчерпывает — одним словом все бы принялись, что это формула и пустяки. Выходит не доводя до этого последнего предела, полагаем, что могут ряда отрасли знания заменить. Какой нужно удивительный ум в конце концов, чтобы преждевременно подчеркивать работу: естественно нужно понятия заключения всего все что родно, кроме действительности. Конечно, были отдельные попытки, чтобы в нашем месте конечного одарения — но нет откуда не может, нет задачи естественно нашего образования понятий состоит в совершенном игнорировании действительности, в его исключении ~~понятие~~ должно сложиться такое понятие, (которое совершает) отражение всего всякой действительности. Для полного развития мысли есть не логические предметы и отвлеченные философствования вопросы, нет необходимо дать определения внешнего бытия, исходящего из них, имеющего за ним какой либо материал, пытаясь смысл — одинаково. Вдруг естественно подходящему отражению понятий определяются приблизительно на действительности. Если в понятиях не остало выражения всей действительности — несомненно вылезет либо на нее нагромоздит, либо исторгнется. Когда попытаемся дать полную объяснить всего бытия Науки отвлеченными понятиями материи и идеи — все попали в отвлеченное положение исторгнуться против воли. Вообще использовать безнаказанно отвлеченность на настоящего идеи в знания отвлеченно сложенных путешествий. Ученый, а также после философы, должны всегда двигаться вперед и отдаляться

Специально относительно Риккерта нужно заметить, что он в своем логическом рассуждении двоится, одного, в одном направлении. Все указывают, что подход к своим новым задачам у второго другой ясности и, что в этом смысле или возникающего типа, конгруэнтность внутренней. В нем есть три бы — если он мне это пишет, боится может быть в погоне за логическим идеалом знания, не привести бы столько исследовательной и рассуждающей последовательности. Ведь для меня, что ~~[illegible]~~ упрощение для убедительности начинается гораздо раньше, чем наступает образование понятий. Уже возможно упрощение для убедительности — это конечно Виндельбанд знает, раз он даже говорит во всех учебниках и в самом новом учебнике. Дрис (см. Збиц журнал). ~~Дрис считает, что сиз~~ Если кто-то увидит так или иначе, нужно восприятие — нужно преодоление интересующего и заслоняющего многообразия мира. Не просто смотрит, а концентрирует свою волю на небе — в ~~[illegible]~~ и творит свою внутреннюю даже не только картину, но образ, само собой разумеется он не видит не только всех деталей картины, но ~~[illegible]~~ наоборот в то же время всех не видит и только некоторые фрагменты даются в глаз. Что-то увидит, услышит и т. д. Вам нужно для упрощения для убедительности. Синдов восстановит, упрощение начинается раньше сих, чем вытекающие понятия. У Бавореля нет этого, нет слова, обязывающего понимать по-нашему, конечно, не вред потерять, что для воспитания непосредственности для убедительности нужно, чтобы люди, что Лев поставил суд в сериал видит того у нас комната ~~[illegible]~~ и не [illegible] чтобы, а из времени когда оставим это в стороне. ~~Повторяю~~, Если бы Риккерт вспомнил что жизнеотрицания понятия психолого (он о нем никогда ни в одной своей работе не вспоминает) есть то уже конечно не мог бы так [illegible] отрицать [illegible]

тій опіть воздвиг, а вмѣстѣ и тѣмъ ему удалось бы пролить свѣтъ на задачи естественнаго знанія и на вопросы естеств. научного образованія понятій. Если бы онъ ошибся, или бы ошибался и остановился.

Такимъ образомъ, въ противу положенія Риккерту, нужно сказать, что началомъ науки являются не „понятія", и даже не одни слова, а непосредственное воспріятіе — и конецъ съ то, что онъ кончается съ идеаломъ (не всякій понятіе идеалъ) математическое предчувствіе дѣйствительности. Или, вѣрнѣ, у науки — два конца: и одной стороны Walnehmung — съ другой математика. Чтобы правильно оцѣнить ее — нужно имѣть въ виду оба конца. Риккертъ же одинъ отрубилъ и видитъ ничего удивительнаго, если онъ пришелъ не къ парадоксальному на видъ, а къ парадоксальному на самомъ дѣлѣ положенію, что дѣйствительность является предѣломъ естественно научного образованія понятій. Все время или потр все время, когда онъ говоритъ о естественной науке онъ имѣетъ въ виду чистую математику или механику. Разумѣется — геометрическій, какъ въ дѣйствительности, нѣтъ ни точекъ, ни линій — на бываетъ только сферъ и сферъ. Дробей также нѣтъ въ дѣйствительности: все что придумано и создано человѣкомъ. Но это было его пріемъ для болѣе легкого и удобного ознакомленія съ дѣйствительностью, это — методъ познанія, предметомъ же познанія является не методъ, а сама дѣйствительность, которая, благодаря методу не отрывается, а приближается къ нашему.

Естественныя науки съ ихъ стремленіемъ къ обобщенію, вслѣдствіе именно ихъ стремленія къ обобщенію основываются неудовлетворяющимъ человѣческимъ запросамъ. Человѣкъ отъ общаго обращается къ индивидуальному, ибо сильнѣе живетъ въ индивидуальномъ. Но, въ такомъ случаѣ нужно уже предпочесть мѣсто Виндельбанда и Риккерта. Во первыхъ идеалъ познанія (это тѣ и недостижимаго человѣку — вообще идеалъ можно говорить) — даже для не чисто историческихъ наукъ,

которая, если даже Риккерт прав в своем логическом истолковании естественнонаучного знания, всегда держится на понятиях и принципах, ~~на основании~~ ~~общих понятий~~ представляет действительность сквозь решето общих абстракций, а непосредственного соприкосновения с действительностью. Наука, историческая, как и естественная, всегда ограничивается лишь и сама есть последняя условность ваяния — освободительная или вредная наука т.е., иными словами, ненаучная, антинаучная наука. Даже во 2-й если и индивидуальные наши цели — то как же отличить познание на сверхчеловеческое, на абсолютное и всеобщее? Всякая деятельность создает по образу и подобию общих понятий и лишь отличить одно происхождение. Если же принуждены были выйти общие понятия, образованные естественной наукой, в виду того, что они отличны у нас действительность, т.е. не есть бы общие ценности этого этап, вдвойне противоречие, лежащее в основе соответствующих высших человеческих ценностей лишь в виду его новизны?! Этот этап концепций, может быть, полезен просвет и тысячи дальнейшие — и индивидуальные ценности, так же, как нет было этой общей понятия естественной науки и индивидуальной истории. Последовательность изгнания того, что тоже относится этой науки?! Субъективизм ведет обязательно к индивидуализму, и нужно от этого условного постулирования не требовать. ...

(Риккерт 680) ср. Мейнеке о Шпрангере

„Кто признает цели — тот в данный момент должен признать и средства. Т.е. цель оправдывает средства: если я могу быть правым и не могу иначе достигнуть цели, как путем убийства, то я должен убить. Но ведь это ересь: скорее сказать, должно сказать даже, что только такие цели могут оставаться, которые не предполагают преступного средства. И что тогда останется этой высокодоказанной теории Виндельбанда и Риккерта?

„Нет никакого противоречия, если мы спрашиваем, на чем основывается логическая необходимость" (698)! Но, быть основой мы будем логическая или предположение логической необходимости